

Пролог

Гид, стоя перед зеркалом, неторопливо брил собственный череп.

Он прекрасно помнил, что всякого рода косметическими процедурами обычно занимаются в ванной — в данном случае в гостиничном номере, где он давно уже проживал, — но с некоторых пор это не имело ни малейшего значения.

Главное, чтобы бритва была опасная — так волоски выбриваются наиболее чисто.

«“Жилетт” — лучше для мужчины нет!»

И для гида — тоже.

Гладкая кожа на собственной голове — решающий фактор при первой встрече с подопечным. Это как экран в старинной киношке. На нем можно показать любые картинки. Хоть охоту Хищника за Арнольдом Шварценеггером, хоть мирную беседу Йогана Вайса с Генрихом Шварцкопфом, хоть фигуру врага в прицеле героини-снайперши... Не имеет значения.

Как не имеет значения и время года на дворе.

Хорошо бы, конечно, чтобы случилась непогода. Чтобы на улице дул сильный порывистый ветер, освобождающий кроны деревьев от желтой листвы. А над головой — быстро темнеющее небо, обещающее неизбежный скорый дождь. И чтобы немногочисленные прохожие спешили скрыться в теплых стенах своих берлог.

Гиду, в общем-то, все равно. А вот гость любит подобную погоду. Хотя это и странно. Такая любовь, скорее, подошла бы коренному петербуржцу, а не уроженцу курортного городка Южноморска. Впрочем, экскурсант же неплохо

знаком с Северной столицей, бывал там не раз и даже жил некоторое время, имел на невских берегах кое-каких знакомых, сыгравших в его судьбе не самую последнюю роль...

Впрочем, это тоже не главное. Главное, что именно такая погода — а скорее, непогода — обязательно приведет к встрече... Необходимое, так сказать, условие в череде случайностей, которые сопровождают каждого человека. И некоторые из них совершенно не случайны. Но кто из подопечных об этом догадывается? А если кто-то и догадывается, все равно не в силах ничего изменить.

Фатум. Неизбежность. Божья воля. Судьба. Разные слова, обозначающие одно и то же...

Гид в последний раз коснулся лысого черепа бритвой и положил инструмент на столик трюмо. Некоторое время изучал отражение в зеркале.

— Нормально, — сказал он скрипучим голосом. — Но музыканты оценивают не только внешность. — Он прикрыл глаза, пропел: — Би-бэ-ба-бо-бу-бы-ы-ы... Ми-мэ-ма-мо-му-мы-ы-ы... — И принялся упражняться, меняя согласные, пока после очередного экзерсиса скрип не превратился в глубокий баритон, а потом не поднялся до тенора.

Тогда гид открыл глаза и, по-прежнему глядя на отражение, пропел а капелла:

*Love me tender, love me sweet,
Never let me go.
You have made my life complete,
And I love you so.*

*Love me tender, love me true,
All my dreams fulfilled.
For my darlin' I love you,
And I always will.¹*

---

¹ Love me tender — знаменитая песня Элвиса Пресли (прим. авт.).

С каждой строчкой лицо певца оживало, в доселе равнодушном взгляде рождались любовь, сочувствие и печаль. Впрочем, они жили в нем всегда, эти дефекты, — потому его и определили в гиды. Иначе он был бы как все.

Наконец он прекратил петь и сказал:

— Совсем другое дело. Даже самое чуткое ухо ни в жизнь не отличит. — Он сложил бритву и убрал в верхний ящик трюмо. — Добро пожаловать!

И вновь печально улыбнулся собственному отражению.

Потом подошел к окну и выглянул наружу.

Гостиница стояла на берегу ласкового моря, над которым висело яркое полуденное солнце.

1. Накануне

— Меня, короче, один раз жуть как проперло от «Бэк-стрит Бойз»! — Светка взяла у Люсинды сигарету, которую они курили на пару, неглубоко затянулась и затараторила: — Там этот беленький, такой прикольный вообще! А недавно я, такая, как дура, купила нового Эминема, меня от него раньше так перло, я, короче, даже жрать не могла, ну, я дождалась, такая, когда родаки набухались и спать завалились, такая, наушники надела, мне их Бард подарил, за то, что... Ну, короче, неважно, за что... Ну, в общем, включила взяла. Слушаю, и не прет, короче. Вот ни настолечко, прикинь!

«Что меня понесло сюда с этой лахудрой? — подумала Люсинда. — У нее-то все в шоколаде. Повезло дуре!»

Она оглянулась.

Позади на целый квартал протянулся высоченный глухой кирпичный заборище, за которым располагался какой-то давно уже не фурьчащий толком завод. Когда-то забор не позволял работникам завода тырить выпускавшуюся тут неведомую фигню, теперь же на него лепили всякие рекламные плакаты. Типа «Сделай паузу — скушай “Твикс”!», «Встречай Новый год вместе с “Кока-Кола”» и прочая мура.

За спиной Светки и Люсинды забор был заклеен несколькими поколениями концертных афиш, и ветер резво поигрывал их обрывками. Правда, верхний слой был совершенно свежий, не тронутый ни дождем, ни солнцем, и с него смотрели на окружающую предгорницкую действительность патлатые рожи музыкантов, о которых в последние дни городская молодежь прожужжала друг другу все уши.

Популярная рок-группа «Бэдлам» — во Дворце культуры «Кристалл»! Только один концерт!

Концерт этот состоялся вчера, и Люсинда со Светкой оторвались на нем по полной программе.

А теперь хотели проводить музыкантов — тянущаяся вдоль забора автомагистраль вела к аэропорту, и именно по ней должны были пронестись покидающие город великие музыкальные гости.

Надо было просто знать, в каком именно часу это произойдет.

Светка откуда-то знала.

Она вообще торчала от рокеров вчистую.

Вот и сейчас в нужном прикиде — напялила на себя футболку с изображением Цоя. Да и размалевана соответствующе, в готическом стиле: черный макияж, накрашенное белилами лицо и облупленный, опять же черный маникюр. В носу и в нижней губе — пирсинг. В пупке тоже, но под футболкой не видно.

В общем, для рокеров — своя в доску!

Не то что Люсинда! Вся в розовой гамме, тоже с облупленным, но розовым маникюром. Да и на майке вовсе не рок-музыкант. Разве что ударная мини-юбка примерно такая же, как у Светки.

Ну, тут уж деваться некуда. Как говорит Изольда Викторовна, классная руководительница девятого «Б»: «С кем поведешься...» И насчет дружбы она, видимо, права. Но подруг не выбирают.

Светка еще пару раз жадно затянулась, вернула сигарету Люсинде и продолжила тараторить:

— Мне у «Бэдов» вокалист жутко нравится. Такой, короче, прикольный. Весь вечер орет как конченный. Я бы у него... ну, короче, неважно. А тебе кто?

— Ты че, совсем дура? — возмутилась Люсинда. — Забыла? Я же с Ди Каприо!

Светка внимательно, будто в первый раз увидела, оглядела изображение на футболке подруги. Пожала плечами:

— Не, Лео, конечно, тоже прикольный. Но я бы так не смогла. Три года с одним парнем...

Люсинда хотела было сказать все, что думает об этой дуре, но не успела, потому что та вдруг заорала, тыча пальцем в сторону:

— Мля, Люси, вон они появились!

Люсинда глянула вдоль забора и увидела выворачивающий из-за угла длинный черный сверкающий лимузин, от капота которого отражалось уже довольно яркое солнце. Следом за лимузином появился микроавтобус. Обе машины стремительно начали набирать скорость, не выказывая ни малейшего желания остановиться.

Да и глупо было бы надеяться на такое чудо.

Люсинда принялась прыгать и махать приближающемуся кортежу. Светка орала что-то неразборчивое, а потом задрала юбку, показывая пассажирам лимузина красные трусики.

Однако лимузин, понятное дело, со свистом пронесся мимо. За тонированными стеклами не было видно ровным счетом ничего. Если кто-то и обратил внимание на Светкины трусики, познакомиться ближе он не пожелал.

Да и в самом деле! Это они на сцене все такие напрочь доступные, а потом и не подойди. Да и на кой ему нужна пятнадцатилетняя девица? Глядишь, еще за связь с несовершеннолетней привлекут. Странно, что Барда это не колышет. Впрочем, Светке вроде уже шестнадцать.

Через несколько мгновений удаляющиеся машины уже не были слышны. Светка тоже перестала орать. И снова ветер зашелестел обрывками старых афиш.

«Все-таки ты, подруга, совсем без башни, — подумала Люсинда. — Я бы, окажись в такой ситуации, никогда не смогла бы показать Лео свои трусы!»

Ей сделалось очень грустно и больно.

Впрочем, дура Светка тоже не веселилась. Это хорошо было видно по ее лицу, когда она обернулась к Люсинде, но так и не нашла что сказать.

И Люсинде пришла в голову потрясающая идея — как прекратить эту невыносимую боль.

2. «Бэдлам»

С сайта «Энциклопедия русского рока»:

Группа «Бэдлам» была создана музыкальным продюсером Платоном Талесниковым в октябре 20** года, став самым успешным из его проектов. В первый состав вошли Герман Кулагин (бэк-вокал, бас), Юрий Смирновский (вокал, соло-гитара), Роман Дубинин (бэк-вокал, клавишные) и барабанщик Валентин Букреев.

Талесников сумел привлечь к работе с «Бэдламом» известного звукорежиссера Илью Зимина и художника по световому оформлению Кирилла Самохина.

Два года спустя Юрия Смирновского сменили Владимир Бельяминов (вокал, экс-«Плюмбум Аурум») и Михаил Воробьев (соло-гитара, экс-«Плюмбум Аурум»), а Валентина Букреева — Тимофей Баскаков (экс-«Галактос»). Первый концерт состоялся 29 декабря 20** года.

Через месяц фирма «Грибов Рекордс» выпустила первый компакт-диск группы — «Ботанические джунгли», разошедшийся миллионным тиражом. Композиции «Маришка-Мартышка» и «Мой брательник Шимпанидзе» несколько месяцев занимали верхние строчки различных хит-парадов. А сам диск годом позже получил престижную музыкальную премию «КРР» в номинации «Лучший старт».

В том же году началась гастрольная деятельность группы. За минувшее с той поры время «бэдламовцы» посетили с концертами более четырех сотен городов в Российской Федерации, Белоруссии, Украине, странах Средней Азии, в Германии, Франции, Великобритании и США. В ближайших планах группы — кругосветное турне.

3. Накануне

Максим остановил съемку и некоторое время изучал изображение на дисплее цифровухи.

Уже без малого три года, как Платоша повесил на него обязанности летописца «бэдламовцев», и мастер-художник по свету стал, помимо основной работы, снимать все эти гастрольные переезды и перелеты, чтобы вывешивать часть фоток и видеозаписей на официальном сайте группы.

Лишняя реклама никогда не помешает, а некоторые документальные материалы журналистского толка порой привлекают больше внимания публики, чем сами концерты. Вот эти красные трусы наверняка станут популярными. Не одна фанатка Вовца позавидует, что не ей удалось изобразить подобный «поп-арт».

Впрочем, Максиму дополнительные обязанности были не в лом — он во все времена любил фотографировать. А снимать фильм — еще проще.

Но зато и сейчас, в дороге, он вынужден работать, тогда как остальные гастролеры лениво поглядывают в затонированные окна лимузина...

Он нажал кнопку зума и изменил масштаб так, что на дисплее остались видны только лица двух фанаток, не пожалевших времени на ожидание «бэдламовцев». Грустные мордашки девиц, раскрашенные в боевые цвета охотниц за знаменитостями, почему-то тронули его за печенку.

Вспомнилась цитата из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, та самая, из сцены, где антилоповцы, затаившись на обочине, следят за проезжающими участниками автопробега. Что-то типа «мимо пролетела настоящая жизнь»...

Вот так, по-видимому, и смотрели вслед лимузину две юные гопницы, оставшиеся позади, возле забора с концертными афишами всех времен. Бедные телочки даже не догадываются, что настоящая жизнь давно уже пролетела не мимо них, а мимо него, Максима. И уж наверняка они не читали Ильфа с Петровым и даже не слышали о таких писателях.

Кстати, любая из фанаток вполне могла бы оказаться дочкой Максима, кабы в годы, когда предки запроектовали этих красоток, он не рванул из родного города с целью покорить Белокаменную. Впрочем, он, конечно, не совсем прав: если посмотреть со стороны, дяденька — вполне преуспевающий представитель шоу-бизнеса, режиссер по свету охренительно модной группы «Бэдлам»... Подавляющее большинство из подававших когда-то определенные музыкальные надежды ровесников и того в своей жизни не добилось!

Максим убрал цифровуху в чехол и положил на свободное сиденье. Глянул на «бэдламовцев».

Пацанам вчера после концерта Платон сильно надраться не позволил — утром предстоял перелет в Южноморск. У хитрозадого продюсера даже такой пункт в договоре был предусмотрен — перед утренним перелетом излишнее употребление спиртных напитков не допускается. С угрозой весьма внушительных штрафных санкций. По рюмочке-другой они, конечно, пропустить ухитрились, но это ж алкашу-профессионалу — как слону дробина.

Поэтому все с утра пребывали в густых минорах и курили травку.

Вовец Бельяминов, основной вокалист группы, обладатель голоса, от которого тащились вразнос такие вот дуручки, как оставшаяся далеко позади парочка местных фанаток, добив косяк, некоторое время смотрел прозрачным

задумчивым взглядом в противоположное окно лимузина, на проносящийся желто-рыжий осенний пейзаж, а потом сказал с бесконечной печалью:

— Вот и вставило...

Герыч кивнул седоватой башкой, но скорее безразлично, чем соглашаясь с Вовцом. Как многие басисты, он был не слишком разговорчив. Зато родную гитару всегда настраивал, бурча что-то под нос. Некоторые всерьез утверждали, что он при этом молится рок-богу, дабы не лишил беглости пальцев, но это из них перла уже откровенная хрень — Герман Кулагин абсолютно не был религиозен, иначе бы из страха перед Создателем черта с два отзывался на свою кликуху. Он натянул по самые брови вязаную шапочку с лейблом «Спорт», с которой никогда не расставался на гастролях. Как будто ему внезапно стало холодно. Или кто-то невидимый шепнул в Герычево ушко некую весьма неприятную новость, вызвавшую ледяную оторопь в душе.

Промолчал и Платон Иосифович, занятый удалением соринки с рукава своего отутюженного костюма-тройки, обладатель печальных еврейских глаз, взгляд которых будил у большинства окружающих желание кинуть ему монетку. Как говаривал дед Максима — мелочишку на молочишко...

Ну а король звукорежиссуры Илья Зимин по кликухе Зяма, меланхоличный, недвижимый и угрюмый, привычно прислушивался ко всему вокруг, и это увлекательное занятие не давало ему права на участие в разговоре.

Впрочем, оставшееся трио, включающее в свои ряды драмера Тимоху Баскакова, лидерушника Миху Воробьева и клавишника Рому Дубинина, тоже пропустило реплику Вовца мимо ушей.

Каждый был наедине со своими мыслями, каждому не хотелось шевелить языком.